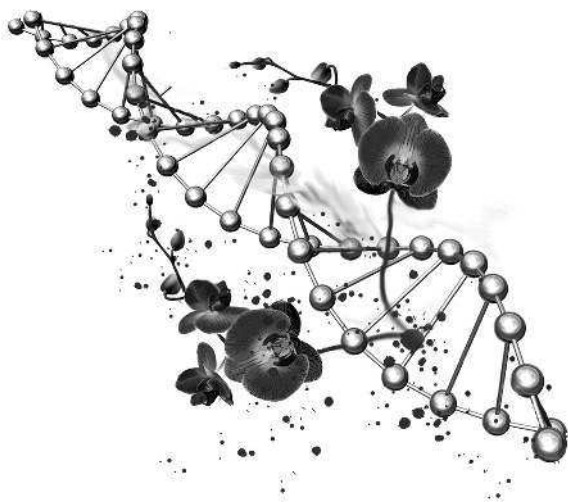

по следам громких дел

ДНК НЕЗЕМНОЙ ЛЮБВИ

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Оформление серии *С. Груздева*

Под редакцией *О. Рубис*

Степанова, Татьяна Юрьевна.
С79 ДНК неземной любви : [роман] / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (По следам громких дел. Детективы Т. Степановой).

ISBN 978-5-04-099986-6

Такого загадочного дела в практике МУРа не было никогда... По ночам на московских бульварах находят жертв страшных и чудовищных преступлений. Кате Петровской, сотруднице пресс-центра УВД, выпал шанс стать участником проводимого расследования. Версий было много. Но в итоге осталась лишь одна, самая невероятная, зато подтверждаемая результатами экспертизы ДНК: жуткие убийства на московских бульварах совершала Лариса Белоусова, убитая пять лет назад...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099986-6

© Степанова Т.Ю., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Вот ужасный, вызывающий дрожь случай про красную пиявку, а вот страшная смерть и трагедия в *****, и тогда же был выслежен Убийца на Бульварах.

*Артур Конан Дойл
«Пенсне в золотой оправе»*

Глава 1

СОЗВЕЗДИЕ СКОРПИОНА

Июль. Московская область

Из тех, кто явился этой ночью на кладбище, никто не обратил внимания на звезды над головой. Небо ясное и безоблачное, звезды яркие — стылые, равнодушные, ослепительные в своем космическом высокомерии. Такая яркость наблюдается только зимой, в сильные морозы, но на дворе стоял жаркий июль. Пожалуй, самый жаркий в Подмосковье за последние двадцать лет.

А луна...

Ее как будто не было вовсе, луна словно потерялась, заблудилась во мраке. А может, затаилась где-то там, в черной пучине, камнем канула на дно вселенной, чтобы никогда уже больше не всплыть, не водрузить свой мерцающий щит на ночные ворота, что были когда-то заперты крепко-накрепко на тысячи замков и запоров — не здесь, не нами, не в этом жарком июле, растекшемся по земле, как расплавленный свинец.

А луна...

Нет, ее просто затмили желтые фары остановившихся у ограды кладбища машин. Джипы и «Лендроверы», «БМВ», пара черных «Мерседесов»

и погребальный катафалк с бронированными стеклами.

Звезды... там, высоко...

Опрокинутый ковш Большой Медведицы...

Скорпион, поднявший ядовитое жало...

Все, кто явился этой ночью на кладбище на Великую мессу, приехали в масках. Странное и нелепое зрелище — вот они выстроились у кладбищенской стены. Багровые огоньки сигарет, аромат дорогого парфюма, запах алкоголя и пота. И маски на лицах — у кого-то роскошная, с венецианского карнавала, а у кого-то просто шерстяная «бандитка» с прорезями для глаз, натянутая до самого подбородка.

И только один был без маски. Дверь бронированного катафалка открылась, и они увидели его. Он вышел.

— Ну?

Голос тихий. И в ответ ни звука, а ведь этой ночью сюда, на кладбище, явилось немало людей, причем некоторые из них уже накачались под завязку, потому что сбор происходил в ночном клубе в Москве в Чертольском переулке. А уж если завалялись ночью в клуб, то как уж тут не дернуть, и тем не менее...

Было очень тихо у кладбищенской стены, когда он произнес это свое «Ну» — то ли приветствие, то ли вопрос, то ли приказ, понукание оробевшему стаду.

— Калитка закрыта...

— Не через главные же ворота идти... Могут увидеть, пойдут разговоры...

— И так уж, наверное, черт-те что болтают...

Он прошел сквозь них к стене, к железной ка-

литке. Взялся за ручку и потянул на себя. Калитка открылась.

— Берите все там, в машине.

Несколько человек направились к катафалку. Фары погасили, включили карманные фонари. Желтые круги заплясали по бортам машин, по кирпичной стене, по темным окнам катафалка. Понеслась какая-то возня, потом сопение, хрюканье...

— Осторожно! Ноги-то у нее связаны?

— Ну и вонь!

Раздался душераздирающий визг.

— Тихо вы!

— Ничего, сторож предупрежден, ему заплачено, грузите быстрее на тележку, туда на машинах не проедем... Тяжеленная тварь...

Свинья, ноги которой были крепко связаны, дергалась, пытаясь вырваться, когда ее вытащили из катафалка и погрузили на тележку, предназначенную для перевозки гробов. Свинья сопела и хрюкала.

Он подошел к ней и пощекотал за ушами. Он был высокий и стройный, одетый в черное, один из всех он не надел в эту ночь маску.

— Пора.

Странная процессия двинулась за тележкой. Через калитку они все вошли на территорию кладбища.

А свинья...

Она, кажется, смирилась со своей судьбой. После того как человек без маски пощекотал ее за ушами, почесал ее горло, которое вот-вот должен был рассечь нож, она, жертва этой ночи, смирилась, затихла.

— Скорпион...

Человек без маски, следовавший первым в этой странной процессии за свиньей, обернулся. Кто-то позвал его из темноты.

— Ну?

Кто-то позвал — кто-то из этих, плетущихся следом, явившихся на кладбище на джипах и «Мерседесах» после сбора в ночном клубе в Чертольском переулке.

— Ну?

Нет ответа, нет вопроса, только шаги, гравий шуршит...

В темноте среди деревьев, среди оград не видно ни зги. Свет фонарей вырубал мало, но они знали, куда идти.

— Теперь направо, в самый конец... Туда тележка не пройдет, придется так тащить, на руках... Вот черт... Там все готово? Кто-нибудь, да пойдите же вперед, гляньте — яма готова? Яма должна быть уже вырыта, так ведь со сторожем договаривались...

— Сюда, за памятник... Давай, давай, давай... еще, еще, еще...

Все словно обернулось веселой игрой. И все перевели дух, у всех отлегло от сердца. И правда, разве это не забавное приключение — ночь, кладбище после клуба под названием «Яма», где все собрались и узнали, что на этот раз Великая темная месса будет проведена вот здесь... Прежде, когда собирались в заброшенных туннелях столичного метро, тоже было стремно, но диггеры стали досаждать, а потом и милиция. А собрались как-то в одном доме на Рублевке, так потом просто плевались — никакого драйва особого, все нажрались, накололись, нанюхались...

А здесь, на кладбище, где уже подготовлена жертвенная яма...

Когда она наполнится свиной кровью, то...

Вообще, кто знает, может, это действительно все не просто так...

Одно дело нервы пощекотать себе и другим, развлечься, и...

Свинья, словно почуяв что-то, испустила пронзительный визг. И это было так неожиданно, так страшно, что те, кто волокли ее через надгробия в глубь кладбища к подготовленной яме, уронили тушу на землю.

Человек без маски пнул свинью ногой в бок. Достал нож.

— Ближе давайте, на самый край! Ну!

Он приказывал, а они повиновались ему. Отчего так было здесь, на кладбище? Они и сами не могли сказать.

Вообще, кто знает, а может, все это действительно не просто так...

Великая темная месса в летнее полнолуние, когда — вот странность — полной луны нет на небе. Только звезды, одни лишь звезды.

Перевернутый ковш Большой Медведицы, нет, как написано в древней Книге мертвых — созвездие Скорпиона.

Когда яма наполнится кровью, можно загадывать любые желания, и ТОТ, кто явится в ночи этой крови отведать, исполнит их все до единого.

Сказки? Вы скажете, все это сказки, бред? Конечно, но...

А вдруг?

Когда вонючая свинья с черной отметиной на боку (сколько же искали именно такую, точно такую, сколько фермерских хозяйств, сколько свиноводческих комплексов объездили!) истечет кро-

вью на краю ямы, можно загадывать любые желания.

Доходный бизнес...

Рост активов...

Увеличение продаж...

В федеральном резерве места освободились...

Может, папаша скоро коньки откинет, а там такое наследство...

Удвоение капитала... утроение... меньше чем за год...

Жена, с которой прожили десять лет, сейчас на Сейшелах... Несчастный случай, авиакатастрофа, и все. И не надо делить совместно нажитое имущество... А той, другой, ей всего девятнадцать...

Когда яма наполнится кровью, явится *тот*, кто крови напьется и исполнит, исполнит, подарит новую жизнь... надежду... тот самый драйв...

Бред? Можете не верить, все равно, но попробовать-то, принять участие в такой вот «кладбищенской акции» можно?

— Я сказал, ближе, на самый край! — Человек без маски, которого звали Скорпион, наступил на свиную тушу ногой, прижимая жертву к земле.

Наклонился и вонзил нож.

В темноте не было видно ни зги. Только контуры, только густые тени. Деревья, деревья, корявые стволы, ржавые ограды, кресты, кресты.

Яма зияла, как провал. Свинья с перерезанным горлом хрипела, дергала связанными ногами, словно пыталась убежать от своих мучителей. Кровь хлынула ручьем, впитываясь в глину.

Человек без маски встал на колени возле свиной туши. Они не видели его лица, лишь спину. Он крепко сцепил руки, поднял их над головой, будто призывая что-то из темноты.

Сколько времени прошло? Пять, десять минут? Странно, но никто из приехавших сюда не решился нарушить эту странную мертвую тишину. Что-то сказать, что-то спросить.

Когда же яма наполнится кровью... Сколько свиней надо зарезать... Сколько жертв нужно принести, чтобы *тот, кто придет*, был вынужден подчиниться... исполнить ваши желания.

Глина осыпалась...

Нет, не в яме, над которой они все сгрудились в молчаливом ожидании. Где-то позади них. Глина осыпалась — не просто горсть земли, съехал целый пласт. А потом тишину, ставшую уже невыносимой для слуха, разорвал треск и грохот — словно где-то что-то упало и гулко ударило о грунт.

Разом вспыхнули карманные фонари. Желтые пятна метались по стволам деревьев, по крестам и надгробиям, шаря, шаря, судорожно ища. Что это был за звук, которые они слышали все?

— Смотрите! Вон там!

Человек без маски обернулся, они все обернулись. Свет фонарей уперся сначала в ствол старой липы в десяти шагах от вырытой ямы, но дерево было целым. А вот могила, что рядом...

Высокий крест из черного мрамора, укрепленный на мраморной плите, надломился у самого основания и рухнул набок. Плита, покрывавшая могилу, треснула пополам, грунт просел вниз и продолжал оседать, образуя в кладбищенской земле провал, который все увеличивался, увеличивался...

О треснувшую плиту разбился брошенный карманный фонарь — у кого-то сдали нервы.

Больше половины из тех, кто приехал этой июльской ночью на Великую темную мессу, сразу

ринулись прочь — назад к калитке, к машинам, почти бегом, толкаясь и не оглядываясь.

Издыхшая свинья, обрушив край ямы, сползла вниз, хороня под собой лужу свежей жертвенной крови, скопившейся на дне.

Глава 2

СТРАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В КАТАКОМБАХ

Семь дней спустя. Рим

— Да наплевать им тут всем на нас, что вы, не видите, что ли? А вы знаете, что мне координатор Миланского дома по телефону ответил? «Это ваши проблемы. Но учтите, что все убытки за простой — за ваш счет!» Поняли, нет? Наплевать им на нас — подумаешь, русские из Москвы... Что они вообще знают о нас, о нашей работе? Ничего. И даже не интересуются. Москва — это там, где все в шапках-ушанках и валенках, где сугробы до второго этажа круглый год? Какая там, к черту, мода, какие журналы? Это ж варвары, в натуре! Ну, может, и не в прямом смысле варвары, но... Так, что-то ниже среднего в профессиональном смысле, никакого интереса. Мы вот с вами, например, интересуемся болгарской модой или венгерской? Да плевать нам, как они там одеты! Живут где-то на отшибе, так и этим миланским придуркам на нас плевать. Ты вот, Кристина, ну что толку, что ты таскаешься на все эти Недели моды в Париж, в Милан... Я ж видел, какое там отношение к тебе и вообще... Сунулась было с интервью к Донателле Версаче... Что ты там

ей лепетала? А она взглянула на тебя, как на пустое место, и отвернулась... Мы-то все пыжимся, из кожи лезем — великая, могучая... русская широта, размах, баблом сорим, пресмыкаемся перед ними. А вот когда у нас трудности и когда надо реально помочь, где они, все эти наши европейские друзья? «Все убытки за простой — за ваш счет!» — вот что они отвечают! Мать их!

У фотографа Хиляя был очередной приступ истерики. Кристина Величко — директор отдела моды глянцевого журнала и автор популярного блога *street-fashion* — пошарила в сумке: есть ли успокоительное, чтобы его заткнуть хоть на десять минут? Двух таблеток обычно достаточно. Хиляй — стержень всей их творческой группы, прилетевшей в Рим на три дня для срочной фотосессии. Фотокамерой своей он творит чудеса, модели у него на снимках выходят просто превосходно, но, как все тонкие натуры, Хиляй нервный и впечатлительный, и, когда что-то в работе срывается, он становится совершенно неуправляемым.

Они сидели в баре римского отеля «Эксельсиор». С веранды обычно открывался великолепный вид на Виа Венетто — знаменитую римскую улицу, но, увы, не этим утром.

Кристина так и не нашла успокоительных пилюль в сумке для фотографа Хиляя, вздохнула свою атласную челку и заказала у бармена еще мартини. Да уж, так не повезти с фотосессией в Риме, от успеха которой в буквальном смысле зависит выход очередного номера журнала, могло лишь каким-то недоучкам, форменным лузерам, но им... но ей, проработавшей в модном бизнесе столько лет!

Проживание их творческой группы в пятизвездочном отеле «Эксельсиор» на Виа Венетто, как и

все прочие расходы, оплачивал журнал. Трансфер, транспорт, питание, услуги переводчика, гонорар известнейшей итальянской топ-модели Джеммы — все это влетало в огромную сумму, прибавьте сюда расходы на охрану ювелирных украшений Миланского дома, специально арендованных для съемки. Фотосессию модели в одежде и украшениях планировалось проводить на фоне Колизея и живописных видов Яникульского холма, где находилась смотровая площадка. Но все эти планы полетели к черту, и это стало ясно, едва лишь они все, вся творческая группа, вышли из здания римского аэропорта.

— Что это? — спросила потрясенная Кристина у встречавшего их переводчика.

— Пыльная буря, синьора, чертова пыльная буря. — Переводчик достал из кармана пачку защитных марлевых масок. — Предупреждали по радио и телевидению, пыльная буря с берегов Африки, где вот уже несколько дней бушует ураган в пустыне, через море добралась и до нас и со вчерашнего вечера накрыла город. Трудно дышать, везде песок. Город чуть ли не на чрезвычайном положении, видимость на дороге практически нулевая. И это не кончится до тех пор, пока ветер с моря не переменится.

Рим... Они так и не увидели города ни по дороге из аэропорта в отель, ни позже. Душное сухое облако, полное мельчайшей пылевой взвеси — мутные городские огни, так было ночью. А утром следующего дня стало еще хуже. Практически невозможно было покинуть отель, где воздух очищали мощные кондиционеры.

На закате дня Кристина стала свидетельницей фантастического зрелища: сквозь багровую пелену

за окном отеля на миг стало видно солнце — какого-то совершенно небывалого гнойного цвета. А на фоне его тысячи черных точек. Это птицы собирались в огромные стаи, вспугнутые пыльной бурей.

Исчез, пропал Вечный город, словно и не существовал никогда... Кристина, куря сигарету, вспоминала роман Булгакова, там, правда, речь шла о другом городе, тоже накрытом ураганом, грозой... Но гроза — это лучше, чем песок. Как в условиях экологической катастрофы проводить фотосъемку? И что вообще можно в такой ситуации предпринять, чтобы спасти положение, не сорвать выход журнала и оптимизировать расходы?

Стали срочно звонить в Милан итальянскому координатору и в ювелирную фирму и получили ответ: это ваши проблемы, но все убытки — учтите, а это колоссальные убытки, — за ваш, русский счет.

Вот черт! Гадство, гадство!

Если фотосессия сорвется, ее уволят. Ну, конечно, именно на ней и отыграются в журнале. Фотографу Хиляю ничего не будет — он незаменим, он талант, к тому же он гей, а их стараются не трогать, а то тут же схлопочешь обвинение в гомофобии и волчий билет в мире моды. Модели Джемме тоже нечего бояться. Ну не снимется, так ей еще и неустойку заплатят. А ее, Кристину, шефа съемочной группы и директора отдела моды, вытурят взащей. Если она сию же минуту что-то не предпримет, чтобы фотосессия все же состоялась. Может, пыльная буря утихнет?

Кристина позвонила переводчику и спросила, какой прогноз. «Никаких изменений, пока не переменится ветер. А в это время года южные ветры дуют по несколько дней».

Значит, надо возвращаться в Москву и...